

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Роза Люксембург.

10
10Sa

Кризис социал-демократии

С предисловием **КЛАРЫ ЦЕТКИН.**

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО

под редакцией **Н. Н. ПОПОВА.**

С приложением статьи **Н. ЛЕНИНА.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ МОСКВА—1923

профессиональных организаций, посредством которых было бы возможно в любой момент вызвать быстрое и мощное общее выступление всей секций и претворить, таким образом, волю Интернационала в дело широчайших рабочих масс всех стран.

6. Ближайшей задачей социализма является духовное раскрепощение пролетариата от опекуна буржуазии, которое выражается в господстве националистической идеологии. Национальные секции должны направить свою агитацию в парламенте и в прессе на разоблачение притворной фразеологии национализма, как средства господства буржуазии. Единственный путь защиты всякой истинно-национальной свободы—это революционная классовая борьба против империализма. Отечеством для пролетария, отечеством, для защиты которого он должен пожертвовать всем,—является социалистический Интернационал.

Н. ЛЕНИН.

О брошюре Юниуса.

Наконец-то, в Германии вышла нелегально, без приспособления к подлой юнкерской цензуре, соц.-дем. брошюра, посвященная вопросам войны! Автор, принадлежащий, очевидно, к „лево-радикальному“ крылу партии, подписался Юниус (что значит по-латыни: младший) и назвал свою брошюру: „Кризис социал-демократии.“ В приложении напечатаны те „тезисы о задачах международной с.-д.“, которые были уже внесены в Бернскую И.С.К. (Интернац. Соц. Комиссию) и напечатаны в ном. 3-м ее бюллетеня; они принадлежат группе „Интернационал“, издавшей весной 1915 г. один номер журнала под этим заглавием (со статьями Цеткиной, Меринга, Р. Люксембург, Тальгеймера, Дункер, Штребеля, и др.) и устроившей зимой 1915-16 г. совещание с.-д. из всех частей Германии, принявшее эти тезисы.

Брошюра написана в апреле 1915 г., как говорит автор во введении, помеченном 2 января 1916 г., и печаталась „без всяких изменений“. Издать ее раньше помешали „внешние обстоятельства“. Посвящена она не столько „кризису с.-д.“, сколько анализу войны, опровержению легенды о ее освободительном, национальном характере, доказательству того, что это—империалистская, и со стороны Германии и со стороны других великих держав, война, затем, революционной критике поведения официальной партии. Написанная чрезвычайно живо, бро-

шюра Юниуса, несомненно, сыграла и сыграет крупную роль в борьбе против перешедшей на сторону буржуазии и юнкеров бывшей с.-д. партии Германии, и мы от всей души приветствуем автора.

Русскому читателю, который знаком с с.-д. литературой, напечатанной по-русски за границей в 1914-16 гг., брошюра Юниуса не дает принципиально ничего нового. Когда читаешь, эту брошюру, сопоставляя с аргументами немецкого революционного марксиста то, что было изложено, например, в манифесте Ц.К. нашей партии (сент., ноябрь 1914 г.), в бернских резолюциях (март 1915 г.) и в многочисленных комментариях к ним, приходится убедиться только в большой неполноте аргументов Юниуса и двух ошибках его. Посвящая дальнейшее критике недостатков и ошибок Юниуса, мы должны усиленно подчеркнуть, что делаем это ради необходимой для марксистов самокритики и всесторонней проверки взглядов, которые должны послужить идейной базой III Интернационала. Брошюра Юниуса в общем и целом — прекрасная марксистская работа, и вполне возможно, что ее недостатки носят до известной степени случайный характер.

Главным недостатком брошюры Юниуса и прямым шагом назад по сравнению с легальным (хотя и запрещенным тотчас после выхода) журналом „Интернационал“ является умолчание о связи социал-шовинизма (автор не употребляет ни этого термина, ни менее точного выражения — социал-патриотизм) с оппортунизмом. Автор вполне правильно говорит о „капитуляции“ и крахе германской с.-д. партии, об „измене“ официальных вождей ее, но далее не идет. А между тем уже журнал „Интернационал“ дал критику „центра“, т.-е. каутскианства, вполне справедливо осыпав насмешками его бесхарактерность, проституирование им марксизма, лакейство перед оппортунистами. И тот же журнал начал разоблачение действительной роли оппортунистов, опубликовав, напр., важнейший факт, что 4го августа 1914 года оппортунисты явились с

ультиматумом, с готовым решением голосовать во всяком случае за кредиты. Ни в брошюре Юниуса, ни в тезисах не говорится ни об оппортунизме, ни о каутскианстве. Это теоретически неверно, ибо нельзя об'яснить „измены“, не поставив ее в связь с оппортунизмом, как н а п р а в л е н и е м, имеющим за собой длинную историю, историю всего II Интернационала. Это практически - политически ошибочно, ибо нельзя ни понять „кризиса с.-д.“, ни преодолеть его, не выяснив значения и роли д в у х н а п р а в л е н и й: открыто-оппортунистического (Леггин, Давид и т.д.) и прикрито-оппортунистического (Каутский и К-о). Это шаг назад по сравнению, напр., с исторической статьей Отто Рюллэ в „Vorwärts'e“ от 12 января 1916 г., где он прямо, открыто доказывает неизбежность раскола с.-д. партии Германии (редакция „Vorwärts'a“ ответила ему повторением слащавых и лицемерных каутскианских фраз, не найдя ни единого аргумента по существу против того, что налицо уже две партии и что примирить их нельзя). Это — поразительно непоследовательно, ибо в 12-м тезисе „Интернационала“ говорится прямо о необходимости создать „новый“ Интернационал в виду „измены“ и „перехода на почву буржуазно-империалистской политики“ „официальных представительств социалистических партий руководящих стран“. Ясно, что говорить об участии в „новом“ Интернационале старой с.-д. партии Германии или партии, мирящейся с Легином, Давидом и К-о., просто смешно.

Чем об'ясняется этот шаг назад группы „Интернационал“, мы не знаем. Величайшим недостатком всего революционного марксизма в Германии является отсутствие сплоченной нелегальной организации, систематически ведущей свою линию и воспитывающей массы в духе новых задач: такая организация должна была бы занимать определенную позицию и по отношению к оппортунизму и по отношению к каутскианству. Это тем более необходимо, что у немецких революционных с.-д. отняты

теперь две последних ежедневных газеты: бременская (Bremer Bürger-Zeitung) и брауншвейгская (Folksfreund), которые обе перешли к каутскианцам. Только группа: „Интернацион. Социалисты Германии“ (J. S. D.) остается на своем посту—ясно и определенно для всех.

Некоторые члены группы „Интернационала“, видимо, скатились опять в болото беспринципного каутскианства. Напр., Штребель дошел до того, что в „Neue Zeit“ расшаркивался перед Бернштейном и Каутским. А совсем на-днях, 15 августа 1916, года он поместил в газетах статью „Пацифизм и с.-д.“ с защитой пошлейшего каутскианского пацифизма. Что касается Юниуса, он восстает против каутскианского прожектерства в духе „разоружения“, „уничтожения тайной дипломатии“ и т. п. самым решительным образом. Возможно, что в группе „Интернационал“ есть два течения: революционное и колеблющееся в сторону каутскианства.

Из ошибочных положений Юниуса первое закреплено в 5-м тезисе группы „Интернационал“... В эпоху (эру) этого разнузданного империализма не может более быть никаких национальных войн. Национальные интересы служат только орудием обмана, чтобы отдать трудящиеся народные массы на службу их смертельному врагу „империализму“... Начало 5-го тезиса, который оканчивается этим положением, посвящено характеристике данной войны, как империалистской. Возможно, что отрицание национальных войн, вообще, есть либо недо-смотр, либо случайное увлечение при подчеркивании совершенно правильной мысли, что данная война есть империалистская, а не национальная. Но, так как возможно и обратное, так как ошибочное отрицание всяких национальных войн, по случаю облыжного представления данной войны в виде национальной, замечается у различных с.-д., то на этой ошибке нельзя не остановиться.

Юниус совершенно прав, когда подчеркивает решающее влияние „империалистской обстановки“

в данной войне, когда он говорит, что за Сербией стоит Россия, „за сербским национализмом стоит русский империализм“, что участие, напр., Голландии в войне было бы тоже империалистским, ибо она, во-первых, защищала бы свои колонии, а, во-вторых, была бы союзницей одной из империалистских коалиций. Это бесспорно—по отношению к данной войне. И когда Юниус подчеркивает при этом особенно то, что для него в первую голову важно: борьбу с „фантомом национальной войны“, „который в настоящее время господствует над с.-д. политикой“ (стр. 81), то нельзя не признать рассуждения его и правильными и вполне уместными.

Ошибкой было бы лишь преувеличение этой истины, отступление от марксистского требования быть конкретным, перенесение оценки данной войны на все возможные при империализме войны, забвение национальных движений против империализма. Единственным доводом в защиту тезиса: „национальных войн больше быть не может“ является тот, что мир поделен между горсткой „великих“ империалистских держав, что поэтому всякая война, хотя бы она была в начале национальной, превращается в империалистскую, задевая интересы одной из империалистских держав или коалиций (стр. 81, у Юниуса).

Неправильность этого довода очевидна. Разумеется, основное положение марксистской диалектики состоит в том, что все грани в природе и в обществе условны и подвижны, что нет ни одного явления, которое бы не могло, при известных условиях, превратиться в свою противоположность. Национальная война может превратиться в империалистскую и обратно. Пример: войны Великой французской революции начались, как национальные и были таковыми. Эти войны были революционные: защита Великой революции против коалиции контр-революционных монархий. А когда Наполеон создал французскую империю с порабощением це-

лого ряда давно сложившихся, крупных, жизнеспособных национальных государств Европы, тогда из национальных французских войн получились империалистские, породившие, в свою очередь, национально-освободительные войны против империализма Наполеона.

Только софист мог бы стирать разницу между империалистской и национальной войной на том основании, что одна может превратиться в другую. Диалектика не раз служила—и в истории греческой философии—мостиком к софистике. Но мы остаемся диалектиками, борясь с софизмами не посредством отрицания возможности всяких превращений вообще, а посредством конкретного анализа данного в его обстановке и в его развитии.

Что данная империалистская война 1914-16 гг. превратится в национальную, это в высокой степени невероятно, ибо классом, представляющим развитие в перед, является пролетариат, который объективно стремится превратить ее в гражданскую войну против буржуазии, а, затем, еще потому, что силы обеих коалиций разнятся не очень значительно, и международный финансовый капитал создал повсюду реакционную буржуазию. Но невозможным такое превращение объявить нельзя: если бы пролетариат Европы оказался лет на 20 бессильным; если бы данная война кончилась победами в роде наполеоновских и порабощением ряда жизнеспособных национальных государств; если бы вне-европейский империализм (японский и американский в первую голову) тоже лет 20 продержался, не переходя в социализм, напр., в силу японо-американской войны, тогда возможна была бы великая национальная война в Европе. Это было бы развитием Европы назад на несколько десятилетий. Это невероятно. Но это не невозможно, ибо представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно.

Далее. Не только вероятны, но неизбежны в эпоху империализма национальные войны со стороны колоний и полуколоний. В колониях и полуколониях (Китай, Турция, Персия) живет до 1000 миллионов человек, т.-е. больше половины населения земли. Национально-освободительные движения здесь либо уже очень сильны, либо растут и назревают. Всякая война есть продолжение политики иными средствами. Продолжением национально-освободительной политики колоний неизбежно будут национальные войны с их стороны против империализма. Такие войны могут повести к империалистской войне теперешних „великих“ империалистских держав, но могут и не повести, это зависит от многих обстоятельств.

Пример: Англия и Франция воевали в семилетнюю войну из-за колоний, т.-е. вели империалистскую войну (которая возможна и на базе рабства, и на базе примитивного капитализма, как и на современной базе высокоразвитого капитализма). Франция побеждена и теряет часть своих колоний. Несколько лет спустя начинается национально-освободительная война Северо-Американских Штатов против одной Англии. Франция и Испания, которые сами продолжают владеть частями теперешних С.-Штатов, из вражды к Англии, т.-е. из своих империалистских интересов, заключают дружественный договор с восставшими против Англии Штатами. Французские войска вместе с американскими бьют англичан. Перед нами национально-освободительная война, в которой империалистское соревнование является привходящим, не имеющим серьезного значения элементом,—обратное тому, что мы видим в войне 1914—16 гг. (национальный элемент в австро-сербской войне не имеет серьезного значения по сравнению с всеопределяющим империалистским соревнованием). Отсюда видно, как нелепо было бы применять понятие империализма шаблонным образом, выводя из него „невозможность“ национальных войн. Национально-освободительная война, напр.,

союза Персии, Индии и Китая против тех или иных империалистских держав вполне возможна и вероятна, ибо она вытекает из национально-освободительного движения этих стран, при чем превращение такой войны в империалистскую войну между теперешними империалистскими державами будет зависеть от очень многих конкретных обстоятельств, ручаться за наступление которых было бы смешно.

В-третьих, даже в Европе нельзя считать национальные войны в эпоху империализма невозможными. „Эпоха империализма“ сделала теперешнюю войну империалистской, она порождает неизбежно (пока не наступит социализм) новые империалистские войны, она сделала насквозь империалистичной политику теперешних великих держав, но эта „эпоха“ нисколько не исключает национальных войн, напр., со стороны маленьких (допустим, аннексированных или национально-угнетенных) государств против империалистских держав, как не исключает она и национальных движений в большом масштабе на востоке Европы. Про Австрию, напр., Юниус судит очень здраво, учитывая не одно только „экономическое“, а и своеобразно-политическое, отмечая „внутреннюю нежизнеспособность Австрии“, признавая, что „Габсбургская монархия есть не политическая организация буржуазного государства, а лишь слабо связанный синдикат нескольких клик общественных паразитов“, и что „ликвидация Австро-Венгрии исторически есть лишь продолжение распада Турции и вместе с ним является требованием исторического процесса развития“. С некоторыми балканскими государствами и с Россией дело обстоит не лучше. И при условии сильного истощения (великих) держав в данной войне или при условиях победы революции в России вполне возможны национальные войны даже победоносные. Вмешательство империалистских держав осуществимо на практике не при всех условиях, это с одной стороны. А с другой стороны, когда рассуждают „с-кондачка“: война маленького государства против ги-

ганта безнадежна, то на это приходится заметить, что безнадежная война есть тоже война; а, затем, известные явления внутри „гигантов“, напр., начало революции — могут „безнадежную“ войну сделать очень „надежной“.

Мы остановились подробно на неверности положения, будто „больше не может быть национальных войн“, не только потому, что оно явно ошибочно теоретически. Было бы, конечно, глубоко печально, если бы „левые“ стали проявлять беззаботность к теории марксизма в такое время, когда создание III Интернационала возможно только на базе не-вульгаризованного марксизма. Но и в практически-политическом отношении эта ошибка очень вредна: из нее выводят нелепую пропаганду „разоружения“, ибо будто-бы никаких войн, кроме реакционных, быть не может; из нее выводят еще более нелепое и прямо реакционное равнодушие к национальным движениям. Такое равнодушие становится шовинизмом, когда члены европейских „великих“ наций, т.-е. наций, угнетающих массу мелких и колониальных народов, заявляют с якобы ученым видом: „национальных войн более быть не может“. Национальные войны против империалистских держав не только возможны и вероятны, они неизбежны, и прогрессивны, и революционны, хотя, конечно, для успеха их требуется либо соединение усилий громадного числа жителей угнетенных стран (сотни миллионов во взятом нами примере Индии и Китая), либо особо благоприятное сочетание условий интернационального положения (напр., парализованность вмешательства империалистских держав их обессилием, их войной, их антагонизмом и т. п.), либо одновременное восстание пролетариата одной из крупных держав против буржуазии (этот последний в нашем перечне случаев является первым с точки зрения желательного и выгодного для победы пролетариата).

Надо заметить, однако, что было бы несправедливо обвинять Юниуса в равнодушии к нацио-

нальным движениям. Он отмечает, по крайней мере, в числе грехов с.-д. фракции ее молчание по поводу казни „за измену“ (очевидно, за попытку восстания по случаю войны) одного вождя туземцев в Камеруне, подчеркивая в другом месте специально (для гг. Легинов, Ленчей и т. п. негодяев, числящихся „социал-демократами“), что колониальные нации суть тоже нации. Он заявляет с полнейшей определенностью: „социализм признает за каждым народом право на независимость и свободу, на самостоятельное распоряжение своими судьбами“; международный социализм признает право свободных, независимых, равноправных наций но только он может создать такие нации, только он может осуществить право наций на самоопределение. И этот лозунг социализма—справедливо замечает автор—служит, как и все остальные, не к оправданию существующего, а как указатель пути, как стимул к революционной, преобразующей, активной политике пролетариата“ (стр. 77 и 78). Глубоко ошиблись бы, следовательно, те, кто подумал бы, что все левые немецкие с.-д. впали в ту узость и карикатуру на марксизм, до которой дошли некоторые голландские и польские с.-д., отрицая самоопределение наций даже при социализме. Впрочем, о социальных голландско-польских источниках этой ошибки мы говорим в другом месте.

Другое ошибочное рассуждение Юниуса связано с вопросом о защите отечества. Это — кардинальный политический вопрос во время империалистской войны. И Юниус подкрепил нас в том убеждении, что наша партия дала единственно правильную постановку этого вопроса: пролетариат против защиты отечества в этой империалистской войне в виду ее грабительского, рабовладельческого, реакционного характера, в виду возможности и необходимости противопоставить ей (и стремиться превратить ее в) гражданскую войну за социализм. Юниус же, с одной стороны, прекрасно вскрыл империалистский характер данной войны, в

отличие от национальной, а с другой стороны, впал в чрезвычайно странную ошибку, пытаясь за волосы притянуть национальную программу к данной, не национальной войне. Это звучит почти невероятно, но это факт.

Казенные с.-д., как легиновского, так и каутскианского оттенка, лакействуя перед буржуазией, которая всего более кричала об иностранном „нашествии“, чтобы обмануть народные массы насчет империалистского характера войны, повторяют с особенным усердием этот довод о „нашествии“. Каутский, уверяющий теперь наивных и доверчивых людей (между прочим через российского окиста*), Спектатора), что он с конца 1914 года перешел к оппозиции, продолжает ссылаться на этот „довод“. Стараясь опровергнуть этот довод, Юниус приводит поучительнейшие исторические примеры, чтобы доказать, что „нашествие и классовая борьба в буржуазной истории являются не противоречием, как гласит официальная легенда, а одно является средством и проявлением другого“. Примеры: Бурбоны во Франции вызвали иностранное нашествие против якобинцев, буржуа в 1871 г. против Коммуны. Маркс писал в „Гражданской войне во Франции“:

„Высший героический под'ем, на который еще способно было старое общество, есть национальная война, и она оказывается теперь чистейшим мошенничеством правительства; единственной целью этого мошенничества оказывается—отодвинуть на более позднее время классовую борьбу, и когда классовая борьба вспыхивает пламенем гражданской войны, мошенничество разлетается в прах“.

„Классическим примером всех времен является,—пишет Юниус, ссылаясь на 1793 г.,—Великая французская революция“. Из всего этого делается вывод: „Вековой опыт доказывает, следовательно, что не осадное положение, а беззаветная классовая

*) Сторонника организационного комитета (так назывался руководящий центр меньшевиков).

борьба, которая пробуждает самоуважение, героизм и нравственную силу народных масс, является лучшей защитой, лучшей обороной страны против внешнего врага“.

Практический вывод Юниуса. Да, с.-д. обязаны защищать свою страну во время великого исторического кризиса. И как раз в том и состоит тяжкая вина с.-д. фракции рейхстага, что она торжественно провозгласила в своей декларации 4 августа 1914 г.: „В час опасности мы не оставим без защиты нашей родины“, а в то же самое время отреклась от своих слов. Она оставила родину без защиты в час величайшей опасности. Ибо первым долгом ее перед родиной в этот час было: показать родине истинную подкладку данной империалистской войны, разорвать сеть патриотической и дипломатической лжи, которой было опутано это посягательство на родину; громко и ясно заявить, что для немецкого народа в этой войне и победа и поражение одинаково губительны; сопротивляться до последней крайности удушению родины посредством осадного положения; провозгласить необходимость немедленного вооружения народа и предоставления народу решать вопрос о войне и мире; требовать со всей решительностью перманентного (беспрерывного) заседания народного представительства на все время войны, чтобы обеспечить бдительный контроль народного представительства за правительством и народа за народным представительством; требовать немедленной отмены всех политических правоограничений, ибо только свободный народ может с успехом защищать свою страну; наконец, противопоставить империалистической программе войны, — программе, направленной к сохранению Австрии и Турции, т.-е. к сохранению реакции в Европе и в Германии, — старую истинно национальную программу патриотов и демократов 1848 года, программу Маркса, Энгельса и Лассалья, лозунг единой великой немецкой республики. Таково было знамя, которое следовало бы развернуть перед стра-

ной, которое было бы истинно национальным, истинно освободительным, находилось бы в соответствии с лучшими традициями Германии и международной классовой политики пролетариата“... „Таким образом, тяжелая дилемма между интересами родины и международной солидарностью пролетариата, трагический конфликт, который побудил наших парламентариев „с тяжким сердцем“ встать на сторону империалистской войны есть чистое воображение буржуазно-националистической фракции. Напротив, между интересами страны и классовыми интересами пролетарского Интернационала существует и во время войны и во время мира полная гармония; и война, и мир требуют самого энергичного развития классовой борьбы, самого решительного отстаивания с.-д. программы“.

Так рассуждает Юниус. Ошибочность его рассуждений бьет в глаза, и если наши открытые и прикрытые лакеи царизма, господя Плеханов и Чхенкели, а может быть даже гг. Мартов и Чхедзе, с злорадством ухватятся за слова Юниуса, помышляя не о теоретической истине, а о том, чтобы вывернуться, замести следы, набросать песку в глаза рабочим, то нам надо остановиться подробнее на выяснении теоретических источников ошибки Юниуса.

Империалистской войне он предлагает „противопоставить“ национальную программу. Передовому классу он предлагает повернуться лицом к прошлому, а не к будущему. В 1793 и 1848 гг. и во Франции, и в Германии, и во всей Европе объективно стояла на очереди буржуазно-демократическая революция. Этому объективному историческому положению вещей соответствовала „истинно-национальная“, т.-е. национально-буржуазная программа тогдашней демократии, которую в 1793 году осуществили наиболее революционные элементы буржуазии и плебейства, а в 1848 г. провозглашал от имени всей передовой демократии Маркс. Феодално-династическим войнам противопоставлялись

тогда, объективно, революционно-демократические войны, национально-освободительные войны. Таково было содержание исторических задач эпохи.

Теперь для передовых, крупнейших государств Европы объективное положение—иное. Развитие вперед—если не иметь ввиду возможных, временных, шагов назад—осуществимо лишь к социалистическому обществу, к социалистической революции. Империалистски-буржуазной войне, войне высоко развитого капитализма объективно может противостоять, с точки зрения развития вперед, с точки зрения передового класса, только война против буржуазии, т.е. прежде всего гражданская война пролетариата с буржуазией за власть, война, без которой серьезного движения вперед быть не может, а затем—лишь при известных, особых условиях, возможная война в защиту социалистического государства против буржуазных государств. Поэтому те большевики (к счастью, совсем единичные и немедленно сданные нами призывам), которые готовы были стать на точку зрения условной обороны, обороны отечества под условием победоносной революции и победы республики в России, оставались верны букве большевизма, но изменяли духу его; ибо, втянутая в империалистскую войну передовых европейских держав, Россия и в республиканской форме вела бы тоже империалистскую войну.

Говоря, что классовая борьба есть лучшее средство против нашествия, Юниус применил Марксову диалектику лишь наполовину, сделав один шаг по верному пути и сейчас же уклонившись с него. Марксова диалектика требует конкретного анализа каждой особой исторической ситуации. Что классовая борьба есть лучшее средство против нашествия—это верно и по отношению к буржуазии, свержающей феодализм, и по отношению к пролетариату, свержающему буржуазию. Именно потому, что это верно по отношению ко всякому классовому угнетению, это слишком обще и потому

недостаточно по отношению в данному особому случаю. Гражданская война против буржуазии есть тоже один из видов классовой борьбы, и только данный вид классовой борьбы избавил бы Европу (всю, а не одну страну) от опасности нашествия. „Великогерманская республика“, если бы она существовала в 1914-16 гг., вела бы такую же империалистскую войну.

Юниус вплотную подошел к правильному ответу на вопрос и к правильному лозунгу: гражданская война против буржуазии за социализм, и точно побоявшись сказать всю правду до конца, повернул назад, к фантазии „национальной войны“ в 1914, 15, 16 годах. Если взглянуть на вопрос не с теоретической, а с чисто-практической стороны, то ошибка Юниуса станет не менее ясна. Все буржуазное общество, все классы Германии, вплоть до крестьянства, стояли за войну (в России, по всей вероятности, тоже—по крайней мере, большинство зажиточного и среднего крестьянства с очень значительной долей бедноты находилось, видимо, под обаянием буржуазного империализма). Буржуазия была вооружена до зубов. При таком положении „провозгласить“ программу республики, перманентного парламента, выборы офицеров народом („вооружение народа“) и пр. значило бы на практике—„провозгласить“ революцию (с неверной революционной программой).

Юниус говорит здесь же, вполне правильно, что революцию „сделать“ нельзя. Революция стояла на очереди в 1914—16 гг., таясь в недрах войны, вырастая из войны. Надо было „провозгласить“ это от имени революционного класса, указать до конца, безбоязненно, его программу: социализм, невозможный в эпоху войны без гражданской войны против архи-реакционной, преступной, осуждающей народ на несказанные бедствия, буржуазии. Надо было обдумать систематические, последовательные, практические, безусловно осуществимые при всяком темпе развития рево-

люционного кризиса действия, лежащие по линии назревающей революции. Эти действия указаны в резолюции нашей партии: 1) голосование против кредитов; 2) разрыв „гражданского мира“; 3) создание нелегальной организации; 4) братание солдат; 5) поддержка всех революционных выступлений масс. Успех всех этих шагов неминуемо ведет к гражданской войне.

Провозглашение великой исторической программы имело, несомненно, гигантское значение; только не старой и устаревшей для 1914—16 гг. национально-германской программы, а пролетарски-интернациональной и социалистической. Вы, буржуа, воюете для грабежа; мы, рабочие, в всех воюющих странах, объявляем войну вам, войну за социализм,— вот содержание речи, с которой должны были выступить 4 августа 1914 г. в парламентах социалисты, не изменившие пролетариату, как Легины, Давиды, Каутские, Плехановы, Гэды, Самба и т. д.

Повидимому, двоякого рода ошибочные соображения могли вызвать ошибку Юниуса. Несомненно, Юниус решительно против империалистической войны и решительно за революционную тактику: этого факта не устранят никакие злорадства гг. Плехановых по поводу „оборончества“ Юниуса. На возможные и вероятные клеветы этого рода необходимо ответить сразу и прямо.

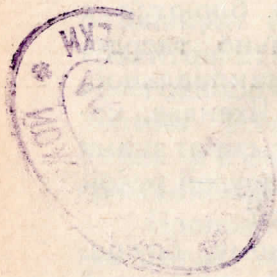
Но Юниус, во-первых, не освободился вполне от „среды“ немецких, даже левых с.-д., боящихся раскола боящихся договаривать до конца революционные лозунги*). Это — ошибочная боязнь, и левые

*) Та же ошибка в рассуждениях Юниуса на тему, что лучше — победа или поражение? Его вывод: оба одинаково плохи (разорение, рост вооружений и т. д.). Это не точка зрения революционного пролетариата, а пацифистского мелкого буржуа. Если говорить о „революционном вмешательстве“ пролетариата — а об этом, хотя к сожалению, слишком обще, говорит и Юниус и тезисы группы „Интернационала“, — то обязательно было поставить вопрос с иной точки зрения: 1) возможно ли „революционное вмешательство“ без риска поражения? 2) возможно ли бичевать буржуазию и правительство своей страны без того же риска? 3) не говорили ли мы всегда и не говорит ли исторический опыт реакционных войн, что поражения облегчают дело революционного класса?

с.-д. Германии должны будут избавиться и избавятся от нее. Ход их борьбы с социал-шовинистами приведет к этому. А они борются с своими социал-шовинистами решительно, твердо, искренне, в этом их громадное, принципиальное, коренное отличие от гг. Мартовых и Чхеидзе, которые одной рукой (а-ля Скобелев) разворачивают знамя с приветом „Либкнехтам всех стран“, а другой рукой нежно обнимают Чхенкели и Потресова?

Во-вторых, Юниус хотел, повидимому, осуществить нечто в роде меньшевистской, печальной памяти, „теории стадий“, хотел начать проводить революционную программу с ее „наиболее удобного“, „популярного“ приемлемого для мелкой буржуазии конца. Нечто в роде плана „перехитрить историю“, перехитрить филистеров. Дескать, против лучшей обороны истинного отечества никто не может быть, а истинное отечество есть велико-германская республика, лучшая оборона есть милиция, перманентный парламент и пр. Будучи раз принята, такая программа сама собою повела бы, дескать, к следующей стадии: социалистической революции.

Вероятно, подобные рассуждения сознательно или полусознательно определили тактику Юниуса. Нечего и говорить, что они ошибочны. В брошюре Юниуса чувствуется одиночка, у которого нет товарищей по нелегальной организации, привыкшей додумывать до конца революционные лозунги и систематически воспитывать массу в их духе. Но такой недостаток — было бы глубоко неправильно забывать это, — не есть личный недостаток Юниуса, а результат слабости всех немецких левых, опутанных со всех сторон гнусной сетью каутскианского лицемерия, педантства, „дружелюбия“ к оппортунистам. Сторонники Юниуса сумели, несмотря на свое одиночество, приступить к изданию нелегальных листков и к войне с каутскианством. Они сумеют пойти и дальше вперед по верному пути.

Содержание.

	<i>Стр.</i>
От издательства.	III—VI
Клара Цеткин. Ко второму изданию.	VII—XXII
Р. Люксембург. Кризис социал-демократии.	1
<i>Приложение.</i> Тезисы о задачах международной социал-демократии	106
Н. Ленин. О брошюре Юниуса	111

7.3. 484
1924

Издательство КРАСНАЯ НОВЬ

АДОРАТСКИЙ

НАУЧНЫЙ КОММУНИЗМ КАРЛА МАРКСА

В основе настоящей книги лежат лекции, читанные автором в Казани в 1919—20 г. на разных курсах и в губпартшколе. Стр. 148.

Цена 60 коп.

СОДЕРЖАНИЕ: Предисловие. Утопический социализм. Научный коммунизм. Историческая теория Маркса. Библ. указатель по затронутым вопросам.

В. АСТРОВ

„ЭКОНОМИСТЫ“, предтечи меньшевиков

(„Экономизм“ и рабочее движение в России на пороге XX века). Стр. 144.

Цена 45 коп.

„Эта книжка должна стать настольной для наших пропагандистов, как ценное пособие при изучении истории рабочего движения в России и истории РКП. Она фактически является единственной в своей области более или менее популярной книжкой. Тем более, что она может быть использована в двух целях. Ее первый отдел „Предпосылки экономизма“ может служить полезным введением в историю рабочего движения по более солидным пособиям и справочником-конспектом, содержащим толково-изложенные важные факты, знакомство с которыми необходимо в текущей пропагандистской работе. Второй ее отдел— „Зарождение экономизма в соц-дем.“ является хорошим дополнением к имеющимся у нас работам по истории партии для тех, кто хочет более подробно ознакомиться с этим этапом в жизни российской социал-демократии.

В приложении даны полный текст из передовой статьи „Рабочей мысли“ № 1, полный текст „Кредо“ и указатель литературы, разбитый на 3 группы. („Труд“ № 160 от 20/VII—23).

Б. ГРАВЕ

ТЕОРИЯ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ К. МАРКСА

Предисловие В. Адоратского. Стр. 113. Цена 60 коп.

СОДЕРЖАНИЕ: Теория классовой борьбы до Маркса. Учение Маркса о классовом строении общества. Классы и их борьба в капиталистическом обществе. Теория революции Маркса.

„Печатающаяся здесь работа о теории классовой борьбы Маркса представляет из себя доклад в семинарии по историческому материализму в Институте Красной Профессуры. В докладе приведено много выписок из произведений Маркса и Энгельса, и поэтому эта работа может быть полезным пособием для всякого, кто приступает к изучению теории классовой борьбы Маркса“.

(Из предисловия В. Адоратского)

Все цены по курсу червонца.

Заказы и деньги направлять в Торговый сектор Издательства: Москва, Милютинский пер., 22.